

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ХАРАКТЕРЕ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ

Я. С. Драбкин

Одним из важнейших событий истории Германии является Ноябрьская революция 1918 года. Вполне закономерен поэтому интерес, который проявляют к ней передовые силы немецкого народа. Урокам Ноябрьской революции было посвящено специальное решение Центрального правления Социалистической единой партии Германии, принятое в 1948 году¹. Руководящие деятели германского рабочего движения не раз занимались анализом этой революции. Историки Германской Демократической Республики недавно обсуждали важнейшие вопросы Ноябрьской революции². Большой интерес к революционным событиям 1918—1919 гг. в Германии проявляет и советская историческая наука.

За последние годы в ряде статей, посвященных отдельным вопросам Ноябрьской революции, и в диссертациях накоплен большой фактический материал. Однако до сих пор наблюдается довольно значительный разброд в трактовке некоторых существенных проблем революции, что отрицательно сказывается на дальнейшей исследовательской работе.

Одно время в советской исторической литературе была широко распространена оценка Ноябрьской революции как «пролетарской революции, потерпевшей поражение»³. Имелось также мнение, что революция была буржуазной. Это мнение было выражено и в резолюции XIV конференции РКП(б) (1925 г.), в которой говорилось, что в Германии «к концу 1918 г. непосредственно-революционная ситуация перешла в революцию, правда, вылившуюся не в победоносную пролетарскую революцию, а в буржуазную революцию»⁴. Эта точка зрения стала господствующей в исторической литературе со времени выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», где сказано, что «революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая»⁵. Однако многие историки считали, что эта общая характеристика Ноябрьской революции недостаточна, так как она не исчерпывает вопроса о характере, движущих силах и особенностях революции. Более того, эта точка зрения дала некоторым историкам повод утверждать, что, будучи буржуазной, Ноябрьская революция не могла быть демократической по своим движущим силам, по роли и степени участия в ней народных масс. При этом игнорировались указания В. И. Ленина о недостаточности простого «противоположения буржуазной и пролетарской революции»⁶ и о том, что марксисты не должны смешивать общий характер революции в смысле ее общественно-экономического содержания с вопросом о движущих силах революции, «не могут даже непосредственно выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа»⁷.

Настоящая статья представляет собой попытку обобщить соображения, высказанные в ходе имевших место в Москве дискуссий. Не претендуя на исчерпывающее

¹ «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». Berlin. 1950. Bd. 2, S 110—116.

² См. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin. 1955, Н. 1 и 2.

³ См., например, К. Шелавин. Авангардные бои западноевропейского пролетариата. Ч. I и II. Л. 1930.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Госполитиздат. Изд. 7-е, стр. 44.

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 221.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 388.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 346.

освещение всех проблем темы, она имеет целью поставить некоторые вопросы, требующие дальнейшей разработки, и наметить возможные пути решения ряда спорных вопросов. Наиболее острые споры вызывают вопросы о характере, движущих силах и особенностях Ноябрьской революции, а также о ее периодизации. Для их выяснения необходимо хотя бы вкратце остановиться на причинах и задачах революции.

Ноябрьская революция 1918 г. была вызвана к жизни противоречиями специфического «юнкерски-буржуазного» империализма, сложившегося в Германии. Запоздавшее появление Германии на арене империалистического разбора обусловило особо хищнический характер германского империализма. Это обстоятельство наиболее ярко проявилось в XX в., и особенно в период первой мировой войны. Другая особенность германского империализма заключалась в сращивании экономически могущественной, но политически трусливой и бесхарактерной буржуазии с полуабсолютистской монархией, чиновничий и военный аппарат которой находился в руках прусского юнкерства. Это сращивание обуславливалось общностью интересов магнатов капитала и юнкерства в борьбе против трудящихся и в осуществлении агрессивной внешней политики.

Развившийся на этой почве военно-государственный монополистический капитализм еще больше обнажил и обострил противоречия капитализма. С одной стороны, он настолько обогатил производство и распределение, что подготовил все объективные (материальные, экономические, производственные) условия для социалистической революции. С другой стороны, он, создавая «военную каторгу» для рабочих и разоряя широкие слои крестьянства, ремесленников, мелких торговцев, толкал народные массы на революцию⁸. Поэтому главная задача Ноябрьской революции заключалась в уничтожении в Германии основ капитализма, юнкерски-буржуазной государственной машины, в подрыве экономической мощи юнкерства в сельском хозяйстве. Только таким путем могли быть созданы предпосылки для победы демократии и социализма.

В силу ряда объективных и субъективных обстоятельств первой страной, поднявшей знамя социалистической революции, явилась не Германия, а Россия. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Начался общий кризис мировой капиталистической системы. Пример народов России, вырвавшихся из мировой бойни и создавших первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, оказал глубочайшее революционизирующее влияние на трудящихся всех стран. Лозунг мира без аннексий и контрибуций, провозглашенный советским правительством, вызвал в Германии новый, мощный подъем антивоенной борьбы. Наиболее ярким его проявлением явилась январская стачка 1918 года.

Германия задыхалась в тисках войны. Нехватка сырья, продовольствия и людских резервов становилась все более острой, армия теряла боеспособность. Экономический крах и поражения на фронте вызвали военную катастрофу. Возмущение народных масс империалистическим правительством вылилось в ноябре 1918 г. в революцию.

Революция в Германии, если сравнить ее с Октябрьской революцией 1917 г. в России, имела то преимущество, что она не была одинокой: по соседству с Германией существовала Советская Россия. Однако во внешнеполитической обстановке германской революции были не только положительные, но и отрицательные моменты. Во-первых, в отличие от революции в России германская революция началась в момент, когда основные империалистические силы не были более заняты смертельной борьбой друг с другом. Во-вторых, лозунг мира, бывший в руках большевистской партии в России мощным средством сплочения широких народных масс под знаменем пролетарской революции, оказался в Германии перехваченным и фальсифицированным буржуазией, которая стремилась использовать его против революции.

Рассматривая внутренние условия германской революции, следует прежде всего подчеркнуть, что революция имела перед собой высокоорганизованного, сильного и опытного врага в лице германских правящих классов. Какая общественная сила была способна свергнуть власть этих классов? В России, как известно, такая сила

⁸ См. В. И. Ленин Соч. Т. 25, стр. 333; см. также т. 24, стр. 368.

нашлась в виде союза рабочего класса и крестьянства, составлявших большинство населения. Как же обстояло дело в Германии?

При выяснении вопроса об объективной почве, на которой могла сложиться эта общественная сила, необходимо учитывать, что социальная структура Германии существенно отличалась от социальной структуры России. По приблизительным подсчетам, около 55% населения Германии составляли рабочие (в том числе почти 45% промышленные и транспортные), около 20—25% — крестьяне, 15—20% — городская мелкая буржуазия, служащие и т. п.⁹ Отсюда вытекает, во-первых, что в стране имелось компактное пролетарское большинство, во-вторых, что роль крестьянства не могла быть в Германии столь значительной, как в России. Вместе с тем удельный вес мелкобуржуазных элементов города и деревни был в Германии относительно велик.

Развитие капитализма привело к глубокой дифференциации деревни: не только юнкерски-капиталистические и кулацкие, но и около трети середняцких хозяйств пользовались наемной рабочей силой. При этом население деревни оставалось почти целиком духовно и политически поработленным юнкерами и клерикалами. Хотя капитализм, разоряя трудящиеся массы деревни, выбивал из их голов реакционные предубеждения, в Германии ни перед войной, ни во время ее не отмечалось революционных выступлений крестьян. Разумеется, широкие слои трудящегося крестьянства и городской мелкой буржуазии могли бы быть союзником пролетариата при доведении до конца буржуазно-демократических преобразований. При проведении социалистической революции пролетариат могли поддержать деревенские полупролетарии, мелкое крестьянство и некоторая часть городской мелкой буржуазии. Но чтобы толкнуть на революцию эти слои, находившиеся к концу войны в состоянии брожения, чтобы объединить их вокруг пролетариата, необходима была прежде всего революционная пролетарская партия, способная показать им путь выхода из нужды и доказать на практике, что она является их твердым защитником.

Таким образом, успех революции зависел прежде всего от сознательности и организованности пролетариата, от наличия у него сплоченного и закаленного революционного авангарда — боевой марксистской партии. Но в силу ряда причин у германского пролетариата к началу революции именно такой партии не оказалось.

Известно, что накануне войны германская социал-демократическая партия насчитывала около миллиона членов, а находившиеся под ее влиянием так называемые «свободные профсоюзы» объединяли свыше 2,5 миллиона рабочих. Но руководство в партии и профсоюзах захватили к этому времени оппортунисты и профбюрократы. В августе 1914 г. эти вожди позорно предали рабочий класс. В годы войны, когда революционизирующийся пролетариат стал постепенно высвобождаться из-под влияния открытых пособников империализма, социал-демократические лидеры проявили особую изворотливость. Центристское, каутскианское крыло создало так называемую «Независимую социал-демократическую партию», в которую перешло большинство революционно настроенных социал-демократических рабочих. Но правые лидеры этой партии видели свою задачу в том, чтобы при помощи лицемерной и изощренной демагогии предотвратить переход рабочих масс в лагерь революции и сорвать образование действительно революционной, марксистско-ленинской партии.

Левое, революционное течение в германской социал-демократии во главе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Францем Мерингом, Кларой Цеткин еще задолго до войны вело борьбу с ревизионистами и оппортунистами. Карл Либкнехт и его соратники своей героической борьбой против войны и империализма спасли честь германского пролетариата. Но, несмотря на свои серьезные революционные заслуги, германские левые не смогли преодолеть ряда слабостей и ошибок. Созданная ими группа «Спартак» вела боевую пропагандистскую работу, но организационно не решалась порвать с каутскианцами. Спартаковцы не сумели в это время правильно решить вопрос о крестьянстве как союзнике пролетариата, о вовлечении масс городской мелкой

⁹ Германская статистика не дает данных о социальной структуре населения ко времени революции. Для получения приведенных цифр использованы данные переписей 1907 и 1925 гг. и некоторые другие источники, но эти цифры нуждаются в уточнении. См. «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», Berlin. 1910, 1927.

буржуазии и интеллигенции в демократическое движение за окончание войны, за спасение народа от голода и нищеты. Недооценка значения самостоятельной партийной организации затрудняла установление прочных и тесных связей с массами¹⁰.

В результате предательства социал-демократических вожakov германский рабочий класс оказался расколотым и дезорганизованным. «Величайшая беда и опасность Европы,— писал В. И. Ленин в октябре 1918 г.,— в том, что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов..., или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью»¹¹.

Какие же задачи могла решить в этих условиях германская революция? В. И. Ленин не раз подчеркивал, что в Германии объективно стояла на очереди социалистическая революция. Несмотря на сохранение в стране довольно значительных полуфеодальных пережитков — монархии, засилья юнкеров в деревне, остатков раздробленности и т. п.,— Германия была вполне сложившимся капиталистическим государством¹². Но при наличии объективных условий решающее значение приобретал субъективный фактор — в конкретных условиях Германии прежде всего сознательность и организованность рабочего класса. Ленин в 1916 г. предупреждал о серьезной опасности, которая угрожает революции в Германии, когда она начнется: «Буржуазия — и особенно интеллигенция типа фабианцев и каутскианцев — постарается... раздробить и затормозить революцию, навязывая ей ограниченные, демократические цели»¹³. В. И. Ленин отмечал при этом двойственную роль демократических требований. С одной стороны, борьба рабочего класса за демократию должна облегчить торжество социалистической революции. Пролетариат не может добиться победы над буржуазией, не ведя всесторонней, последовательной, революционной борьбы за демократию. С другой стороны, указывал Ленин, «все чисто демократические требования способны, при условии уже начавшегося штурма пролетариев против основ власти буржуазии, сыграть в известном смысле роль помехи революции...»¹⁴. Отсюда вытекало, что очень многое зависело от того, какой класс возглавит борьбу за демократические требования. В руках пролетариата эти требования должны были стать мощным стимулом развития и углубления революции; буржуазия же стремилась использовать их для того, чтобы не допустить развертывания социалистической революции.

Германская буржуазия уже накануне революции стремилась использовать в своих корыстных целях фальсифицированные ею требования мира и демократии¹⁵. В противовес этому группа «Спартак» на своей конференции в Готе 7 октября 1918 г. сформулировала развернутую программу демократических требований, осуществление которых облегчило бы путь к социализму¹⁶. Но группа «Спартак» была слаба, и существовала поэтому реальная опасность, что революционный пролетариат не сумеет удержать в своих руках знамя борьбы за демократические преобразования.

Из сказанного следует, что объективные предпосылки социалистической революции в Германии находились в противоречии с субъективной слабостью пролета-

¹⁰ См. В. Пик. Значение уроков Октябрьской революции для борьбы германского народа за мир, за единство Германии. Газета «За прочный мир, за народную демократию!», 3 ноября 1950 года.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 93.

¹² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 104; т. 17, стр. 158—159 и др. В. И. Ленин писал: «Тридцатилетие, протекшее после буржуазно-демократической революции в Германии (речь идет о революции 1848—1849 гг.— Я. Д.), вполне выполнило объективно-необходимые задачи этой революции». (В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 7).

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 141.

¹⁴ Там же, стр. 133, 141. Ленин указывал при этом, что исключенно составляет только требование права наций на самоопределение. В апреле 1917 г., освещая задачи пролетариата в русской революции, Ленин писал, что «слово демократия... теперь, после марта 1917 года, есть шора, одеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить новое...» (В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 63).

¹⁵ Достаточно указать на мероприятия, проведенные правительством Макса Баденского.

¹⁶ См. Вальтер Ульбрихт. Разгром Германии в первой мировой войне и Ноябрьская революция. «Вопросы истории», 1950, № 12.

риата. Германский пролетариат не был подготовлен к тому, чтобы выполнить роль руководителя социалистической революции. В этих условиях германская революция могла начаться прежде всего как революция антимонархическая, республиканская, демократическая, то есть по своему основному характеру как революция буржуазная. Очевидно, именно это имел в виду В. И. Ленин, когда за две недели до ее начала, 22 октября 1918 г., говорил, что «неизбежна народная революция в Германии, а, может быть, даже пролетарская революция»¹⁷.

Как известно, революция в Германии началась восстанием моряков в Киле 3 ноября 1918 года. Обращает на себя внимание быстрота, с которой она распространилась по всей стране. В исторической литературе обычно подчеркивается растерянность правящих кругов, их полная неспособность организовать какое-либо сопротивление. И действительно, реакция не имела сколько-нибудь серьезных сил, на которые могла бы опереться, так велико было всеобщее возмущение народа империалистическим правительством, приведшим страну к катастрофе¹⁸.

В то же время нельзя недооценивать организованности и ловкости германских правящих юнкерско-буржуазных кругов, имевших большой опыт обмана масс. Увидев, что остановить революцию невозможно, эти круги предприняли попытку обуздать ее с помощью социал-демократических лидеров. Днем 9 ноября, когда восстание уже охватило Берлин, Макс Баденский назначил Эберта рейхсканцлером¹⁹. Однако поднявшиеся на революцию народные массы внесли свои, весьма существенные коррективы в эту хитро задуманную комбинацию.

Вопрос о движущих силах германской революции является, пожалуй, наименее изученным и вызывает нередко серьезные споры. В некоторых случаях для полного преодоления разногласий необходимо дальнейшее конкретное изучение отдельных сторон революционного движения, в других — спор опирается в недостаточной мере на понимание нами, историками, важных положений марксистско-ленинской методологии. Не вызывает сомнений, что германская буржуазия была силой контрреволюционной. Она настолько тесно срослась с юнкерством и настолько боялась революционного пролетариата, что со страхом и ненавистью отвергала всякое сколько-нибудь радикальное преобразование в любой области. Германская буржуазия была не республиканской, а монархической. Бесспорно и то, что главной движущей силой революции был промышленный пролетариат Германии. Именно рабочий класс сыграл в ноябрьские дни решающую роль в низвержении монархии Гогенцоллернов. Почти не изучен вопрос об отношении крестьянских масс к революции. Несомненно, что бедняки, полупролетарские массы деревни, не говоря уже о батраках, стремились к прекращению империалистической войны, к уничтожению юнкерского засилья в деревне и кулацкой кабалы и сочувствовали революции. Среди остальной массы крестьянства шовинистический угар тоже заметно рассеялся. Но сколько-нибудь активно деревня в ноябрьские дни не выступила. Это ослабляло, разумеется, размах револю-

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 95.

¹⁸ Яркой иллюстрацией к сказанному может служить характеристика настроений солдат на фронте, исходящая из реакционных кругов. 9 ноября на совещании в ставке было установлено, что армия не может быть использована против революции. См. «Deutsche Tageszeitung», 27 июля 1919 г., а также K. Westarp. Das Ende der Monarchie am 9. November 1918. Stolhamm — Berlin. 1952, S. 47 ff.

¹⁹ Макс Баденский впоследствии с циничной откровенностью так излагал свои соображения на этот счет: «Я сказал себе: революция собирается быть победоносной; мы не можем ее разбить, но, может быть, сможем ее задуть. Теперь пора выступить с отречением (кайзера.— Я. Д.), с призывом Эберта, с возванием к народу, чтобы он сам определил посредством Учредительного национального собрания форму государственного правления. Если Эберт будет представлен мне улицей в качестве народного трибуна, тогда придет республика; если же будет выдвинут Либкнехт, тогда еще и большевизм. Но если отрекающийся кайзер назначит Эберта рейхсканцлером, тогда есть еще маленькая надежда для монархии. Может быть, удастся вернуть революционную энергию в легальные рамки избирательной борьбы». Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart — Berlin — Leipzig. 1927, S. 632. См. также записку статс-секретаря Симонса. «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender». Jhg. 1918, S. 634.

ции. Но если учесть наличие в Германии пролетарского большинства, пассивность деревни не дает основания отрицать демократический характер Ноябрьской революции.

В ноябрьские дни бок о бок с рабочими шли революционные солдаты и матросы. Последние были даже в известном смысле застрельщиками революции. Рабочие, солдаты, матросы поднялись на революцию вполне самостоятельно. Они действовали против воли и желания социал-демократических лидеров. «Масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», ...наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого». В. И. Ленин, как известно, именно таким образом характеризовал народную, демократическую буржуазную революцию, в отличие от революции «верхушечной»²⁰.

Ярким проявлением этого «отпечатка» было возникновение во всей Германии по «русскому образцу» рабочих и солдатских Советов. Революция в Германии, как с удовлетворением отмечал Ленин, «сразу приняла «советские» формы»²¹. Советы, являвшиеся органами революционного творчества масс, самочинно объявляли себя органами новой, народной власти. Они стремились заменить или, по крайней мере, контролировать старые власти. В ноябрьские дни нельзя было не считаться с Советами. Советы не мог игнорировать и новый рейхсканцлер Эберт. В этот критический момент, когда на карту была поставлена не только судьба монархии, но и всего капиталистического строя, социал-демократические лидеры развернули дихорадочную деятельность, чтобы в целях спасения капитализма использовать свой разветвленный и слаженный партийный и профсоюзный аппарат для подчинения Советов своему влиянию.

Шейдемановцам удалось получить большинство на общеберлинском собрании рабочих и солдатских Советов в цирке Буша 10 ноября 1918 года. Это собрание утвердило новое правительство во главе с Эбертом и Гаазе, назвавшее себя «Советом народных уполномоченных». Таким образом, новое, «чисто социалистическое» правительство как будто опиралось на Советы. Но это был лишь красивый фасад. В действительности революционные рабочие и солдаты, только что свергнувшие юнкерско-монархический режим, не сумели взять реальную власть в свои руки. Их доверчивость к социал-демократам сыграла с ними злую шутку. Революционные рабочие и солдаты низвергали старую власть, будучи убеждены, что совершают социалистическую революцию. На собрании берлинских Советов они с воодушевлением проголосовали за резолюцию, провозглашавшую Германию «социалистической республикой», и за посылку приветствия Советской России²². Рабочие и солдаты naïвно поверили тому, что правительство Эберта — Гаазе является «социалистическим», не разглядев, что оно, несмотря на социалистическую вывеску, было правительством буржуазным.

Большинство членов Советов, даже из числа рабочих, все еще верило шейдемановцам и каутскианцам. Особенно легко поддавались буржуазному влиянию солдатские Советы, очень пестрые по своему составу и нередко засоренные представителями офицерства. Характеризуя настроения солдат, К. Либкнехт писал: «Масса солдат революционна против милитаризма, против войны и против явных представителей империализма; в отношении социализма она еще двойственна, колеблется, не перебродила»²³. Вскрывая социальные корни этих колебаний, следует указать, что доверчивость по отношению к капиталистам и их агентам свойственна мелкой буржуазии; она обусловлена ее промежуточным положением в капиталистическом обществе. Но эта доверчивость охватила и значительную часть германского пролетариата. Причины широкого распространения мелкобуржуазных иллюзий следует искать в социальной структуре германского населения (значительный удельный вес мелкобуржуазных элементов), в изменениях состава самого рабочего класса, происшедших в годы войны, в пробуждении к политической активности тех слоев населения, которые

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 388. Характеристика В. И. Ленина основывается на опыте революции 1905—1907 гг. в России и, безусловно, имеет международное значение.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 409.

²² Во всем этом, несомненно, проявлялось стремление «низов» «по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого».

²³ К. L i e b k n e c h t. Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze. Berlin, 1952, S. 469.

долгое время находились под влиянием империалистической, шовинистической идеологии, наконец, в воздействии социал-демократии, которая усиленно насаждала мелкобуржуазные представления. Шейдемановцы и каутскианцы, используя наивную веру масс, внушали им, что «революция закончена» и пора «восстановить порядки и спокойствие».

Только подлинные революционеры — спартаковцы — старались раскрыть народу глаза на истинное положение дел. Они призывали рабочих и солдат «не покидать улицы, а оставаться на них вооруженными и быть все время начеку, т. к. дело революции в безопасности только в руках народа»²⁴. 11 ноября группа «Спартак» была преобразована в «Союз Спартака». Был налажен регулярный выпуск газеты «Die Rote Fahne». Но это были лишь первые шаги к созданию самостоятельной организации — революционной партии. Карл Либкнехт был прав, отказавшись войти в правительство вместе с социал-предателями, но он и его сторонники не были в состоянии создать в противовес правительству социал-демократов действительно революционное правительство. Они не смогли даже создать себе сколько-нибудь прочные позиции в Советах, в том числе в Берлинском Совете. К сожалению, широкие массы германских рабочих не вняли голосу спартаковцев, разоблачавших предательство социал-демократической верхушки, призывавших к продолжению борьбы и говоривших народу «то, что есть». «До сих пор между политической формой и социальным содержанием германской революции зияет глубокое противоречие... — писал К. Либкнехт. — Ее политической формой было пролетарское действие, ее социальным содержанием — буржуазная реформа...»²⁵.

И действительно, революция, совершенная рабочими, матросами и солдатами, оказалась революцией буржуазной. Произошло именно то, о чем за два года до этого с тревогой писал Ленин: социал-демократической агентуре удалось в самые первые дни «раздробить и затормозить революцию», ограничить ее буржуазными рамками. Проявив большую изворотливость, шейдемановцы и каутскианцы сумели перехватить вожжи, вырванные народом из рук юнкерско-монархического правительства. Тем самым главный вопрос всякой революции — вопрос о власти — был решен в эти дни в пользу буржуазии, выдвинувшей вперед в качестве громоотвода народного возмущения свою социал-демократическую агентуру. С приходом правительства Эберта — Гаазе ничего не изменилось в государственном аппарате: большинство кайзеровских министров, фельдмаршал Гинденбург и весь генералитет остались на своих постах, а «социалистические» правители поспешили заявить о своей готовности «охранять упорядоченное (читай: капиталистическое. — Я. Д.) производство» и «защищать собственность»²⁶.

Ноябрьская революция в Германии не затронула основ капитализма, но в результате ее произошел известный классовый сдвиг, передвижка классовых сил в правящем лагере. Рухнула полуабсолютистская монархия, в которой государственный аппарат находился в руках юнкерства, а монополисты и банкиры направляли политику косвенно. Монархия Вильгельма II была заменена буржуазной республикой, в которой банкиры и магнаты промышленности могли более непосредственно руководить политикой. Тем самым политическая надстройка была полностью приведена в соответствие с давно уже сложившейся экономической ролью обоих эксплуататорских классов. Юнкерско-буржуазный германский империализм превращался в буржуазно-юнкерский.

С образованием правительства Эберта — Гаазе вопрос о власти был в основном решен. «Утверждение» нового правительства собранием Советов, опубликование программного заявления правительства и т. п. означало, что первый период германской революции закончился. Но это не было еще концом революции. Положение нового правительства не было и не могло быть прочным, пока революционные рабочие и солдаты оставались вооруженными, пока революционная энергия масс не была исчерпана, пока правительство не имело в своем распоряжении «надежной» вооруженной опоры, с помощью которой оно могло бы держать массы в узде.

²⁴ «Die Rote Fahne», 10 ноября 1918 года.

²⁵ К. Liebknecht. Указ. соч., стр. 472. «То, что есть» — название статьи К. Либкнехта.

²⁶ E. Buchner. Revolutions-Dokumente. Berlin. 1921, S. 193—194.

Поэтому главной заботой социал-демократических лидеров, ставших у власти, было укрепление своих позиций. Чтобы не допустить дальнейшего развертывания революции, они принялись сколачивать контрреволюционный заговор против германского пролетариата и мирового революционного движения²⁷. На основании известных теперь документов и материалов представляется возможным проследить три главных звена этого заговора. Его первым звеном был тайный сговор Эберта с Генеральным штабом, с Грёнером и Гинденбургом о совместной «борьбе против большевизма», то есть уничтожении рабочих и солдатских Советов, разгроме революционного пролетарского авангарда, восстановлении буржуазного порядка и т. п. Вторым звеном заговора явилось соглашение профсоюзных лидеров с магнатами капитала, известное под названием «делового сотрудничества». Оно было продолжением в условиях перехода от войны к миру предательской политики «классового мира», обеспечивавшей капиталистам гигантские барыши за счет каторжного труда рабочих. Третьим звеном явился тайный сговор социал-демократических правителей с американскими и английскими империалистами, которые вместе с империалистами Франции взяли на себя роль жандармов и душителей революционного движения в Европе. Шейдемановцы и каутскианцы приложили все усилия, чтобы сорвать сближение с Советской Россией, открывавшее великие возможности для революционного преобразования Германии. Предпочитая вымалывать подачки у Антанты, они предавали национальные интересы немецкого народа²⁸.

В середине ноября 1918 г. германская революция вступила в свой второй период. В этот период решался вопрос о том, застрянет ли германская революция на первом, буржуазном этапе или же она найдет в себе внутренние силы, чтобы преодолеть свою первоначальную слабость и продвинуться дальше, к социализму. Уже в начале его определились два возможных направления, два пути развития событий.

Один путь вел к продолжению революции, к закреплению и расширению демократических завоеваний первых дней, к перерастанию революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Этот путь предполагал рост революционной активности пролетариата, сплочение его авангарда, втягивание в движение все более широких масс трудящихся города и деревни, разоблачение и изоляцию предательской буржуазной агентуры в рядах рабочего класса. Он означал решительный слом старых государственных учреждений и превращение рабочих и солдатских Советов в действительные органы революционной власти, установление прочного союза с международным рабочим движением, и прежде всего с Советской Россией. На этот путь хотели вывести трудящихся Германии спартаковцы. Главным лозунгом борьбы за этот путь был лозунг «Вся власть Советам!».

Другой путь вел к свертыванию революции, к максимальному сужению ее задач, к ограничению революционной активности масс. Он предполагал углубление раскола рабочего класса, обман трудящихся изощренной демагогией, сколачивание контрреволюционных банд для расправы с передовыми борцами революции. Этот путь был рассчитан на сохранение основ капиталистического строя, прикрытого формами буржуазного парламентаризма. Он требовал сплочения вокруг социал-демократии всех сил внутренней и международной реакции для совместной борьбы против собственного народа и Советской России. На этот путь толкали Германию шейдемановцы и каутскианцы. Главным лозунгом борьбы за этот путь был лозунг «Созыв Учредительного национального собрания».

Таким образом, вопрос о направлении дальнейшего развития событий в Германии, об углублении революции или торжестве реакционных сил сводился в конкретных условиях того времени к вопросу: Советская власть и ли Учредительное собра-

²⁷ Связи, позволившие социал-демократическим главарям столь быстро сговориться со своими партисрами, были завязаны ими еще до революции.

²⁸ См. «Papers relating to the Foreign Relation of the United States, 1919. The Paris Peace Conference» (в дальнейшем — «Papers relating...»). Washington, 1943—1948. Vol. II, p. 101, 103, 118, 134.

ние? Об этом писали Карл Либкнехт и Роза Люксембург, на это указывал В. И. Ленин в декабре 1918 г. и в январе 1919 года²⁹.

В течение ноября и декабря 1918 г. в разных концах страны наблюдался рост активности рабочего класса, развертывалась стачечная борьба³⁰, особенно активная в Руре. Рабочие выдвигали преимущественно экономические требования, но в ряде мест они боролись за национализацию предприятий. Рабочие и солдатские Советы в начале декабря сорвали попытки контрреволюционных путчей в Берлине, Бремене и Гамбурге; Советы в Брауншвейге организовывали Красную гвардию. «Союз Спартака» сделал дальнейший шаг к созданию самостоятельной партии, опубликовав 14 декабря проект своей программы³¹. Но все же революционные силы были расплывлены и не имели единого центра.

В это же время силы реакции консолидировались. Под прикрытием шумихи о «восстановлении порядка и спокойствия», о «мире и работе», демагогии о «грядущей социализации» и т. п. шла подготовка контрреволюционного заговора. К Берлину стягивались фронтовые части под командованием монархических офицеров, создавались белогвардейские «добровольческие корпуса». Главари германской реакции устанавливали связи с империалистами США для получения их поддержки в борьбе против собственного народа.

16 декабря 1918 г. в Берлине открылся Всегерманский съезд Советов. Социал-демократическим главарям удалось к этому времени разложить изнутри большую часть рабочих и солдатских Советов. Спартаковцы провели в день открытия съезда 250-тысячную демонстрацию берлинских трудящихся, но они не смогли организационно закрепить свое растущее влияние. В результате нажима шейдемановцев и маневров «независимцев» съезд принял самоубийственное для Советов решение о назначении выборов в Учредительное собрание. До его созыва вся исполнительная и законодательная власть передавалась «Совету народных уполномоченных». Этим был предрешен кардинальный вопрос — Советская власть или Учредительное собрание — в пользу последнего. Нельзя, однако, согласиться с мнением, что это было уже окончательное решение вопроса, поскольку хорошо известно, что коренные вопросы революции решаются не голосованиями, а самой острой классовой борьбой. И действительно, уже через несколько дней после закрытия съезда Советов контрреволюционные заговорщики сочли момент назревшим, чтобы развязать открытую гражданскую войну против рабочих и солдат. Но предпринятая ими 24 декабря провокация против революционных матросов в Берлине провалилась, натолкнувшись на отпор рабочих. «Кровавый сочельник» вызвал правительственный кризис. Чтобы не потерять окончательно влияние в массах, «независимцы» вынуждены были отказаться от открытой коалиции с шейдемановцами.

30 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии Германии³². Созданием коммунистической партии была заложена основа революционного объединения германского рабочего класса. Впервые после «Манифеста Коммунистической партии» германский рабочий класс получил программу, признававшую диктатуру пролетариата. Молодая коммунистическая партия правильно понимала всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции и значение дружбы немецкого народа с Советской Россией. Основание Коммунистической партии Германии было решающим, поворотным пунктом в истории германского рабочего движения и всего немецкого народа. Но, несмотря на героизм своих руководителей и передовых борцов, коммунистическая партия не сразу смогла преодолеть свою организационную и теоретическую слабость и превратиться в ведущую силу массового народного движения.

²⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 345, 409; см. также «Die Rote Fahne», 17 декабря 1918 г.; Rosa Luxemburg. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. II. Berlin. 1951, S. 640—651.

³⁰ «Ахерон пришел в движение! — писала в конце ноября Р. Люксембург. — В то время как наверху, в правительственных кругах, стремятся по-мирному, по-хорошему ужиться с буржуазией, внизу поднимается масса пролетариата и грозно вздымает кулак: «Забастовки начались!». R. Luxemburg. Указ. соч., стр. 617.

³¹ См. «Was will der Spartakusbund?». «Die Rote Fahne», 14 декабря 1918 года.

³² См. «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». Berlin. 1919; «Thesen zum 35. Jahrestag der Gründung der KPD (1918—1953)». «Einheit», 1954, № 1.

В обстановке растущего революционного брожения масс и усиленного нажима реакции шейдемановцы спешили осуществить свои коварные замыслы, направленные на разгром революционного пролетариата. Для их реализации из Килия в Берлин был вызван Носке. В начале января 1919 г. шейдемановцам удалось спровоцировать авангард берлинских рабочих на преждевременное выступление. Предательство вожаков «независимцев», начавших в разгар боев переговоры с Носке, нанесло борцам революции удар в спину. Банды «кровавой собаки» Носке подавили выступление берлинских пролетариев и совершили злодейское убийство лучших вождей германского пролетариата — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Движение народных масс во второй период революции существенно отличалось от первого периода. Оно приобретало более ярко выраженный пролетарский характер. В ходе стачечной борьбы все решительнее выдвигались социальные требования, в частности требование немедленной «социализации». Это было свидетельством дальнейшего углубления революционного движения. Наряду с этим во второй период еще нагляднее, чем в первый, проявились все слабые стороны Ноябрьской революции. Авангард рвался вперед, но широкие массы рабочего класса очень медленно, с большим трудом высвобождались из-под влияния шейдемановцев и каутскианцев. Раскол пролетариата мешал ему возглавить народные массы. Рабочий класс не закрепил свою гегемонию, сложившуюся в ноябрьские дни, его союз с революционными солдатами стал слабеть. Показательным было, например, то, что даже одна из наиболее революционных воинских частей, «Народная морская дивизия», расположенная в Берлине, во время январских боев заняла позицию «нейтралитета». Городская мелкая буржуазия, убаюканная заверениями о наступающей «эре демократии», натравленная против спартаковцев разнузданной буржуазной пропагандой, запуганная «ужасами большевизма» и угрозой вторжения войск Антанты, колебнулась в сторону контрреволюции.

Деревня и в этот период оставалась пассивной. В центральной печати того времени упоминались лишь единичные случаи, когда крестьяне требовали передачи общинам юнкерских имений³³. Быть может, более тщательное изучение местной печати и архивных материалов³⁴ прибавит факты подобного рода, но едва ли есть основания полагать, что оно изменит общую картину пассивности деревни³⁵. Кроме экономических причин пассивности деревни, следует указать на то, что социал-демократия противилась вовлечению крестьянской бедноты в революционное движение³⁶. Молодая коммунистическая партия не преодолела еще недооценки крестьянства как союзника пролетариата в революции. В. И. Ленин на I конгрессе Коминтерна в марте 1919 г. указывал, что германские коммунисты очень мало делают для распространения в деревне Советов сельских рабочих и крестьянской бедноты и что именно в этом «заключается еще практическая и довольно большая опасность для достижения верной победы германским пролетариатом»³⁷.

³³ В. Ульбрихт и О. Гротеволь тоже говорят только об отдельных фактах выступлений крестьян. См. W. Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin. 1953. Bd. I, S. 31—32; O. Grotewohl. Dreissig Jahre später. Berlin. 1948, S. 70—71.

³⁴ Работу в этом направлении ведет созданная в ГДР исследовательская группа под руководством профессора Лео Штерна. См. Сборник «Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. I. Halle — Saale. 1954, S. 252 ff.

³⁵ В нашей литературе иногда фигурируют «крестьянские советы» как якобы организации революционного крестьянства (см., например, Г. Х а р а х а ш ь я н. Аграрные преобразования в Германской Демократической Республике. М. 1951, стр. 60—61). В действительности инициатива создания «крестьянских советов» исходила от шейдемановцев и была санкционирована правительством со специальной целью образования контрреволюционных опорных пунктов в деревне и вооруженных отрядов «крестьянской обороны» («Die Rote Fahne», 18 ноября 1918 года). В. И. Ленин на I конгрессе Коминтерна целиком поддержал спартаковцев, называвших эти «крестьянские советы» «юнкерскими советами». Ленин указал, что «нам нужны лишь Советы батрацкие и деревенской бедноты» (В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 450).

³⁶ К. Каутский, например, призывал ни в коем случае не допускать раздела крупных поместий для наделения земель крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих, так как это, дескать, «подорвет продовольственное снабжение». См. «Freiheit», 28 января 1919 года.

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 450.

Вследствие указанных причин революционные силы народа оказались раздробленными. Коммунистическая партия не смогла организовать и слить их в один общий революционный поток, который повернул бы развитие революции по иному пути. Коренной вопрос развития революции — власть Советов (то есть власть рабочего класса) или Учредительное собрание (то есть власть буржуазии) — был решен в пользу последнего. Однако контрреволюционным заговорщикам не удалось нанести пролетариату в январские дни решающего удара. Январское поражение пролетарского авангарда в Берлине не означало еще прекращения революционной борьбы. Германская революция вступила в свой третий период.

Третий период германской революции начался выборами в Национальное собрание 19 января 1919 года. Это был период, когда буржуазия стремилась окончательно задуть революционное народное движение, учредить и закрепить буржуазную республику. Это был вместе с тем период открытой гражданской войны, когда массы продолжали борьбу в защиту завоеваний революции, а коммунистический авангард вел героические бои за дальнейшее развертывание революции, за переход к революции социалистической.

Выборы в Национальное собрание, проведенные в обстановке жестокого террора и разнузданной демагогии, дали большинство буржуазно-юнкерским партиям, спешно переицевавшим и подновившим свои программы и модернизовавшим свои партийные клички³⁸. Буржуазный характер собрания определялся и тем, что социал-демократия была верным проводником буржуазной политики. Выборы показали, что пролетариат не смог еще высвободиться из-под влияния буржуазии.

Буржуазная власть консолидировалась. В феврале 1919 г. было создано правительство так называемой «веймарской коалиции», знаменовавшее переход шейдемановцев от скрытого сотрудничества с буржуазными партиями к открытой коалиции с ними. В то же время оставление на руководящих правительственных постах социал-демократических лидеров свидетельствовало о том, что в обстановке массового революционного движения буржуазия не могла сохранить свое господство, не прибегая к услугам социал-демократии. Немалую помощь буржуазии в обмане масс оказывала пресловутая теория «сочетания» Советов и Национального собрания, выдвинутая лидерами «независимых»³⁹.

К середине февраля 1919 г. в Германии появились серьезные симптомы, свидетельствовавшие о нарастании новой волны революционного подъема рабочего класса. Экономическое положение трудящихся продолжало ухудшаться, городское население голодало, росла безработица. Американские и английские агенты, наводнявшие в это время Германию, с нескрываемой тревогой доносили своим хозяевам о растущей «радикализации масс»⁴⁰.

Февральско-мартовские и апрельские выступления рабочего класса освещены в литературе незаслуженно мало, поэтому Баварская Советская Республика и ее место в цепи революционных боев оценивается, на наш взгляд, не всегда правильно. Между тем уже февральские стачки горняков Рура и Средней Германии характеризовались большим размахом и упорством. Социал-демократические лидеры увидели, что массы уходят из-под их влияния. Американские и английские «наблюдатели» сообщали, что правительство теряет почву даже среди членов своих партий, держится у власти только при помощи пулеметов и вследствие отсутствия единства среди его противников. Они усилено «советовали» правительству принять «решительные меры», выражая опасение, что «общий крах правительства Эберта — Шейдемана... позволит захватить власть большевистскому движению»⁴¹.

³⁸ См. «Die Deutsche Nationalversammlung in ihrer Arbeit». Bd. I. Einleitender Teil. Berlin. 1920.

³⁹ В. И. Ленин иронически называл эту теорию «гениально-филистерской», указывая, что она свидетельствует о полном банкротстве ее авторов. См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 286.

⁴⁰ См., например, «Die Rote Fahne», 28 февраля 1919 г.; см. также «Papers relating...». Vol. XII, p. 30, 35; «Army Reports by british officers on the economic conditions prevailing in Germany». London. 1919, p. 6.

⁴¹ См., например, «Papers relating...». Vol. XII, p. 45—46.

В таких условиях правительство Шейдемана решило нанести рабочему классу еще более тяжелый удар, чем в январе. Спровоцированные правительством в марте 1919 г. столкновения рабочих Берлина с войсками вылились в ожесточенные многодневные вооруженные бои, по своим масштабам во много раз превосходившие январские. Во время этих боев Коммунистическая партия Германии впервые выступила самостоятельно, выдвинув четкую программу революционных требований⁴². Но она не сумела еще стать подлинным организатором революционной борьбы масс во всей стране.

И после мартовских боев 1919 г. революционное движение в стране продолжало расти. Большое революционизирующее воздействие на германский пролетариат оказали победы советского народа над внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, а также провозглашение 21 марта 1919 г. Советской республики в Венгрии. Новая революционная волна, еще более мощная, чем все предыдущие, охватила промышленный Рур. В забастовке горняков, рабочих заводов Круппа, Тиссена и других предприятий участвовало около полумиллиона человек. Эта забастовка продолжалась свыше четырех недель и была подавлена лишь в результате широких действий правительственных войск. Массовые стачки, происходившие в Вюртемберге, Магдебурге, Брауншвейге, Берлине, Гамбурге, Дрездене, Лейпциге и многих других городах, также сопровождались вооруженными столкновениями с полицией и войсками. По данным официальной статистики, количество одновременно бастовавших достигало почти 4 469 тыс. человек⁴³.

Рабочие, десятилетиями подвергавшиеся влиянию оппортунистического крыла профсоюзных и социал-демократических лидеров, лишь с трудом изживали реформистские иллюзии. Хотя массы молодых рабочих, прошедших кровавую школу войны, горели стремлением к действию, а почти миллион безработных составлял внушительный революционный резерв, и эти слои весьма туманно представляли себе пути достижения цели. Стремясь к уничтожению капиталистической собственности, рабочие часто поддавались на удочку лживой демагогии о «социализации»; требуя укрепления рабочих Советов, они не понимали необходимости сосредоточения в руках Советов всей полноты политической власти в стране. Шейдемановцы и каутскианцы сумели подменить полновластные Советы урезанными «производственными советами» (фабзавкомами).

Движение развивалось крайне неравномерно. В середине апреля, когда борьба в Руре пошла уже на убыль и была задушена Советская республика в Брауншвейге, на юге страны возник новый революционный очаг: в Мюнхене была провозглашена Баварская Советская Республика. Эта республика смогла продержаться всего около трех недель. Но она была важным звеном в цепи событий германской революции. Это была, правда, локальная, но все же наиболее значительная попытка авангарда германских рабочих двинуть дальше революцию, застрявшую на буржуазном этапе, и установить диктатуру пролетариата. Падение Баварской Советской Республики явилось поворотным пунктом в ходе революционной борьбы. С этого времени начался заметный спад революционной активности германского пролетариата, причем отлив революционной волны произошел не сразу⁴⁴.

Таким образом, третий период германской революции, отмеченный массовыми стачками и героическими боями передовых отрядов рабочего класса, закончился поражением пролетариата. Реакции удалось осуществить свой контрреволюционный заговор и военной силой разгромить революционный авангард. Буржуазия и ее социал-демократические приспешники смогли обмануть, расколоть массы и отвлечь их от продолжения борьбы при помощи изощренной социальной демагогии, разжигания шовинизма и реваншистских настроений, имевших в побежденной Германии благоприятную почву. Временному спаду революционной активности трудящихся масс способствовало и то обстоятельство, что как раз в это время в Германии начался некоторый

⁴² См. «Die Rote Fahne», 3 марта 1919 года.

⁴³ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsches Reich». Berlin. 1920.

⁴⁴ В апреле — мае продолжались крупные забастовки в Верхней Силезии, Бремене, Гамбурге и других центрах. В борьбу стали втягиваться служащие, сельскохозяйственные рабочие Магдебурга, Западной Пруссии и других областей. Кое-где крестьяне выдвинули требования передачи общинам крупных имений дворянства. См. «Die Rote Fahne», 20 апреля 1919 года.

экономический подъем, носивший, как выяснилось лишь позднее, иллюзорный, дутый и спекулятивный характер. Ему сопутствовала пропагандистская шумиха, поднятая вокруг американской продовольственной помощи.

Воспользовавшись временным отливом революционной волны, германская буржуазия смогла упрочить буржуазное государство. Веймарская конституция, вступившая в силу 11 августа 1919 г., юридически оформила главный итог Ноябрьской революции: рабочий класс завоевал в ноябре 1918 г. республику, некоторые демократические права и свободы, отстоял их в дальнейших боях. Но плодами его победы воспользовалась прежде всего буржуазия, закрепившая в форме Веймарской республики свою диктатуру.

В рамках журнальной статьи могло быть приведено лишь ограниченное количество фактов, но нам представляется, что они позволяют сделать некоторые обобщения. Факты говорят прежде всего о том, что объективная возможность социалистической революции в Германии не превратилась в действительность. Революция, едва сделав свои первые шаги — свергнув монархию, создав рабочие и солдатские Советы, — была заторможена. По своему социально-экономическому содержанию, то есть по своему основному характеру, Ноябрьская революция оказалась не социалистической, а буржуазной революцией. Она не затронула основ капиталистического строя, изменилась только форма государственной власти, произошла передвижка классовых сил в правящем лагере, рабочий класс завоевал некоторые демократические права. При этом, будучи слабой, революция не решила и ряда назревших демократических задач: не уничтожила юнкерского землевладения, не преодолела остатков раздробленности, не наказала военных преступников и т. п. Дальнейшие попытки революционного авангарда двинуть ее дальше по пути перерастания в социалистическую революцию остались только попытками. Решающих боев за пролетарскую диктатуру ни в 1918, ни в 1919 г. в Германии не произошло. Попытка Баварской Советской Республики установить диктатуру пролетариата не увенчалась успехом. Все сказанное свидетельствует о неправомерности оценки германской революции как «пролетарской революции, потерпевшей поражение».

В. И. Ленин, не раз до ноября 1918 г. говоривший о том, что в Германии назрела пролетарская революция, дал впоследствии исчерпывающее объяснение, почему события в Германии развернулись иначе. В марте 1919 г. он говорил: «Полагали, что на Западе, где классовые противоречия развиты более сильно (чем в России.— Я. Д.), соответственно более развитому капитализму, революция пойдет несколько иным путем, чем у нас, и власть сразу перейдет от буржуазии к пролетариату. Однако происходящее сейчас в Германии говорит об обратном. Германская буржуазия, объединившись для противодействия поднявшим голову пролетарским массам, черпает свою силу в большем опыте западной буржуазии и ведет систематическую борьбу с пролетариатом. У германских же революционных масс нет еще достаточного опыта, который они приобретут лишь в процессе борьбы»⁴⁵. А в марте 1920 г. Ленин, еще раз возвращаясь к этому вопросу, указал на главную причину, определившую буржуазный характер революции: «В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Западе. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей»⁴⁶. В августе 1921 г. в письме к немецким коммунистам В. И. Ленин дополнил свою мысль указанием на то, что «действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеман, Легины, Давиды и К^о) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К^о) бандой лакеев капитала»⁴⁷.

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 1.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 391.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 488.

Подводя итог рассмотрению вопроса о движущих силах Ноябрьской революции, следует подчеркнуть, что в первый период, когда решался вопрос о свержении монархии, движущими силами революции были рабочие, солдаты и матросы, то есть промышленный пролетариат и часть мелкой буржуазии города и деревни. Они поднялись самостоятельно, вопреки социал-демократическим вождям, стремившимся предотвратить революцию и спасти монархию. Рабочие наложили на ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество. Это проявилось, например, в создании по всей Германии рабочих и солдатских Советов, в требованиях проведения социалистических преобразований и т. п. Этого вполне достаточно, чтобы считать Ноябрьскую революцию в Германии буржуазно-демократической, а не «верхушечной» буржуазной революцией.

В ходе дальнейшего развития революции, во второй и особенно в третий период, пролетарская струя усилилась: множилось и ширилось экономические и политические стачки, вооруженные бои с правительственными войсками. Непосредственной целью этой борьбы рабочего класса являлось закрепление и расширение демократических завоеваний революции. В то же время боевой пролетарский авангард вел бои за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Правда, деревня осталась в основном в стороне от революционного движения, а часть городской мелкой буржуазии, вовлеченная в него, затем отошла от революции. Неспособность германского пролетариата последовательно осуществить свою гегемонию явилась одной из важнейших причин слабости германской революции. Однако пассивность крестьянства и неизбежные колебания мелкобуржуазных элементов не могут служить доказательством того, что революция не была демократической.

Иногда в качестве аргумента против отнесения Ноябрьской революции к типу буржуазно-демократических революций приводят и то, что она не смогла довести до конца буржуазно-демократических преобразований, была «незавершенной буржуазной революцией». При этом упускают из виду, что о роли народных масс нельзя судить по результатам революции, что, например, и такая безусловно буржуазно-демократическая революция, как февральская революция 1917 г. в России, не решила ни вопроса о мире, ни вопроса о земле и т. д.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что германская революция 1918 г. была революцией буржуазно-демократической. Такая характеристика подчеркивает роль народных масс, прежде всего рабочего класса Германии, без чего своеобразие Ноябрьской революции не может быть раскрыто.